ГДЕ ТАЙГА ВСТРЕЧАЕТСЯ С НЕБОМ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
АРЬЯН ЛЕВРАН

Арьян Левран

Где тайга встречается с небом

https://litres.ru/73846617
SelfPub; 2025

Аннотация

Ярослав, изгнанный властным отцом из Москвы в глухой якутский поселок, ненавидит всё вокруг: бесконечную зиму, давящую темноту и себя самого. Единственным убежищем становится библиотека, где работает Айсен — молчаливая и замкнутая девушка, чья жизнь неразрывно связана с суровой землей предков.

Их встреча — это столкновение двух миров.

Их чувство становится полем битвы, где жестокость соседствует с нежностью, а исцеление оборачивается новой болью.

Это история о том, как два сломленных человека пытаются найти спасение в друг друге, не понимая, что любовь может быть не только якорем, но и самым тяжёлым испытанием.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 19
Глава 3 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Арьян Левран
Где тайга встречается с небом

Глава 1

Наступила полярная ночь. Еще три недели назад в полдень можно было разглядеть бледное, почти призрачное свечение над южным горизонтом. Теперь исчезло и оно. Световое время суток, если его можно было так назвать, свелось к короткому, двухчасовому просветлению в полдень, когда чернота неба чуть серела, становясь густо-лиловой. В остальные часы лежала непроглядная тьма, нарушаемая лишь тусклым светом из окон домов и редкими фонарями, чьи желтые пятна терялись в бескрайнем мраке.

Поселок Алмазный цеплялся за склон холма сотней с лишним домов, в основном одноэтажных, бревенчатых, почерневших от времени и непогоды. Кривые улицы, больше похожие на накатанные снегоходами трапы, утопали в сугробах по самые подоконники. Из печных труб непрерывно валил густой дым, который смешивался с морозным паром, образуя над поселком колыхающееся марево. Жизнь здесь измерялась количеством сожженных дров.

Сама же тайга стояла стеной. Сначала шли кривые, корявые лиственницы, потом начинался настоящий, нехоженый лес, уходящий на сотни километров к северу. Зимой он молчал, но его молчание было звенящим и тяжелым. Изредка доносился треск ломающейся под тяжестью снега ветки – звук, от которого вздрагиваешь, даже находясь в тепле.

Воздух был сухим и обжигающе холодным. На морозе ниже сорока выдыхаемый пар превращался в мгновенно оседающую колючую изморозь. Она покрывала ворс на капюшонах и шарфах, нарастала на ресницах, мешая моргать. Дышать приходилось медленно и неглубоко, иначе резкая боль пронзала грудь. Запахи почти отсутствовали. Лишь иногда ветер доносил едкий дух солярки от генераторной или сладковатый – древесной смолы из кочегарки.

В этой кромешной тьме, под безразличным взглядом ярких, ледяных звезд, поселок казался не смелым форпостом, а крошечным, забытым всеми убежищем, затерянным среди снегов и льда, где лишь одна библиотека светилась иначе, чем другие дома. Не тускло и сонно, а ровным, спокойным светом, который словно приглашал войти. Это было единственное место в поселке, где можно было почувствовать себя не в глухой якутской глубинке, а просто в тихом, уютном помещении.

Само здание было старым и неказистым, бревенчатым, с облезлой краской на оконных ставнях. Но внутри всегда стоял особый запах – из старых книг, пыли и слегка прогретого дерева. Для Ярослава этот запах стал единственным синонимом спокойствия.

Несмотря на позднее время Яр все ещё был здесь. Он стоял у окна, на стекле которого мороз нарисовал густой, колючий узор. Протерев его рукавом он увидел свое отражение – бледное городское лицо, которое так явно выделялось здесь,

среди смуглых и крепких местных жителей. Воспоминания о Москве были яркими, но странно далекими, как будто это была не его жизнь, а чей-то чужой сон. А здесь все было до боли реально. Каждый скрип половицы, каждый случайный взгляд прохожего напоминал ему: ты здесь чужой. Чужой и нежеланный.

Ярослав был уверен, что все происходящее с ним это проделки судьбы. Злой и несправедливой по отношению к нему. Его отец, Игорь Сергеевич, решил, что лучший способ «сделать из сына мужчину» – это отправить его на край света. Единственный родитель в семье был силен не только физически, но и словом. Его взгляд мог заставить замолчать кого угодно. «Здесь ты исправишься, Ярослав», – говорил он. Каждое утро он с раздражением смотрел на то, как его сын сидит с книгой, а не занимается чем-то «полезным». «Мягкотелый» – это было самое доброе из всех определений, которые он употреблял в его адрес.

Яр ненавидел Алмазный. Ненавидел эти покосившиеся дома, эту бесконечную зиму, эту давящую темноту. Но больше всего он ненавидел оставаться наедине с собой. В тишине своей комнаты его начинали съедать собственные мысли. И лишь книги были единственной опорой, тем самым лучиком света, который не позволял сойти с ума окончательно.

Он медленно прошелся вдоль полок, машинально скользя пальцами по корешкам. Книги были старые, потрепанные. Одни пахли пылью, другие – чем-то кисловатым, словно их

когда-то читали за едой. «Горький. Достоевский. Толстой». Он узнавал их с полуслова – эти же тома стояли в бабушкиной гостинной в Москве, лишь в более нарядных переплетах. Здесь они выглядели проще, будто разделили суровую участь этого края. Дальше шли стеллажи с технической литературой – толстые синие справочники по горному делу, инструкции к механизмам, которые он никогда не видел. Эти книги казались ему такими же чужими и неуютными, как и весь поселок. Они не предлагали побега, а лишь напоминали о тяжелой, приземленной реальности, из которой он так отчаянно пытался сбежать. Ни на одной полке он не находил ничего, что могло бы выдернуть его из трясины собственных мыслей, ставшей его главным состоянием.

В глубине зала, куда слабо доходил свет от центральной лампы, воздух был холоднее. Там, в самом углу, у стеллажа с пожелтевшей табличкой «Краеведение», стояла девушка. Она стояла к нему спиной, но он сразу узнал ее по прямой осанке, темным гладким волосам, собранным в низкий хвост, и простой темной кофте. Та самая, что обычно молча сидела за столом выдачи, беря его формуляр холодными, чуть шершавыми пальцами. Тихая, с лицом, не выражавшим ровным счетом ничего. Но сейчас все было иначе. Она была не работником, а читателем. В ее руках лежал массивный том в потертом кожаном переплете, с тиснеными на корешке причудливыми символами, похожими на сплетение корней или следы неведомого зверя. Она читала, полностью от-

давшись тексту, и выражение ее лица, которое он увидел в полупрофиль, было не просто сосредоточенным – оно было поглощенным, почти отрешенным, словно она слышала голоса со страниц. Ему это было знакомо и видимо поэтому эта картина заставила Яра замереть на месте, почувствовав себя нарушителем какой-то интимной границы.

Он сделал несколько осторожных шагов вперед, стараясь ступать бесшумно, но старая древесина пола предательски скрипнула под его тяжестью. Теперь он мог разглядеть название на обложке: «Олонхо. Якутский героический эпос». Книга выглядела древней и чужой, как и все, что его здесь окружало – тайга, люди, их обычаи. Что-то глубоко местное, непонятное ему, пришельцу.

– Вы действительно это читаете? – сорвался у него вопрос, и он сам поморщился от собственного тона. Голос прозвучал хрипло и грубо, пропитанный всем пренебрежением, которое накопилось за месяцы тоски и злости в этом захолустье.

Девушка оторвалась от книги не сразу, словно заканчивая мысленно прочитанную фразу. Затем медленно подняла на него глаза. Они были темными, почти черными, и казались бездонными. В ее взгляде не было ни удивления, ни смущения – лишь спокойная, изучающая тишина, которая заставила Яра внутренне съежиться.

– А что с ним не так? – ее голос был низким и ровным.

– Да ничего, – Яр фыркнул, нервно провел рукой по волосам, отбрасывая со лба непослушную прядь. – Просто, все

эти сказки про духов и прочую ерунду…

Она не дала ему договорить. Резко, с глухим стуком захлопнула тяжелую книгу. Пыльная взвесь поднялась в воздухе. Затем она сделала короткий, но уверенный шаг навстречу. Она была невысокой, но в этот момент, сжав в руках свой эпос и глядя на него прямо и без страха, она визуально выросла, заполнив собой пространство. Яр инстинктивно отступил на полшага, наткнувшись спиной на холодный стеллаж.

– Это тебе не истории где принцы на белых конях спасают из башен принцесс, – произнесла она лишенным эмоций голосом, явно акцентировов внимание на последнем слове и кинув исхитренный взгляд. – Здесь герои спускаются в Нижний мир, чтобы выстоять перед ликом тьмы и вернуть себе частицу собственной души, что осталась в плену у страха или сомнений. Спасти другого – подвиг. Но победить чудовищ в себе – это и есть настоящее испытание. Ваши книги учат ждать спасения. Наши – что его можно добыть только собственной кровью и болью. И какие, по твоему, ближе к правде, а какие к сказкам?

Она не стала ждать его ответа. Развернулась и ушла вглубь зала, ее темная кофта мелькнула между стеллажами и исчезла. Яр остался стоять один. В ушах звенела тишина, нарушаемая лишь потрескиванием печки. Его ладони стали влажными, а щеки горели от стыда. Он представил, как должен был выглядеть со стороны: московский щегол, с пренебре-

жением тыкающий пальцем в чужую культуру. В ее глазах он был именно таким – чужим, слабым, ждущим, что его кто-то спасет.

Он вышел на улицу, и холод обжег разгоряченное лицо. Порыв ветра рванул с крыши сухой снег и обсыпал его с ног до головы. Яр не стал отряхиваться. Он стоял, глядя на темные очертания домов, на редкие огни в окнах. Воздух был густой, пахший печным дымом и металлической свежестью мороза. Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь унять дрожь в коленях.

Впервые ненависть к этому месту отступила, уступив место другому, новому чувству. Это был вызов. Не абстрактный, а очень конкретный, брошенный ей. Она провела четкую границу: «ваши» и «наши». И он оказался по ту сторону, в мире, который она, очевидно, презирала. Мысль о том, что она могла разглядеть в нем отчаяние и теперь считает слабаком, ждущим спасения как какая-то беспомощная принцесса, была невыносимой.

Яр медленно пошел по улице, увязая в снегу. В голове прокручивался их мимолетный разговор. Ее спокойный голос, ее прямой взгляд. В нем не было злобы, только уверенность. И эта уверенность задела его за живое сильнее, чем любое оскорбление.

Где-то в глубине, под слоем злости и отчаяния, шевельнулось что-то новое. Похожее на азарт. Тупая, ежедневная тоска отступила. Теперь была цель. Неясная, смутная, но цель.

Он не знал, что именно он будет делать, но знал, что не может просто так это оставить. Не может позволить ей думать о нем как о слабом. Он посмотрел на черное небо, усеянное до боли яркими звездами. Они были такими же холодными и безразличными, как и взгляд той, что осталась там, в библиотеке.

Игра началась. И ставка в ней было его собственное «я», которое он либо окончательно потеряет здесь, в этой ледяной глуши, либо каким-то образом найдет, но уже другим, став, как любил повторять отец: сильным человеком, который не бежит от сложностей, а смотрит им в лицо. Способным выстоять там, где другие ломаются. Эта мысль показалась ему одновременно горькой и странно обнадеживающей.

Вспомнив об отце, Ярослав направился домой. Дорога казалась теперь короче, хотя снег по-прежнему хрустел под ногами с тем же ледяным скрипом. Он шел, глядя под ноги, но уже не видел окружающего мрака – перед ним стоял образ человека: не того, кто кричал и бил, а того, каким тот был на старых фотографиях – молодыми, с ясным и твердым взглядом. Таким, каким, наверное, и хотел бы видеть сына.

В окнах их дома горел свет за которым его ждут те же вопросы, те же тяжелые взгляды. Но теперь он нес с собой не только привычную тяжесть, но и странное чувство – не надежду, нет, скорее решимость. Решимость доказать. Себе. Ей. Может быть, даже отцу, хотя он вряд ли поймет.

Яр подошел к калитке, с силой стряхнул налипший снег о

валенки и перед тем, как войти, замер, осторожно вдыхая обжигающий ледяной воздух полной грудью. Он стоял и представлял, что как обычно незаметно пройдет в свою комнату, стараясь не скрипеть половицами, скинет одежду, наденет футболку, зароется в холодную постель, натянув одеяло с головой и будет лежать неподвижно, прислушиваясь к биению собственного сердца, думая о том, что завтра он снова пойдет в библиотеку.

***

В маленькой, но удивительно просторной и уютной кухне пахло хвойной смолой, горячим камнем и томленым оленьим молоком. Запах стоял густой, насыщенный, вбирающий в себя всю историю этого дома. Воздух дрожал от жара, исходящего от массивной железной печки-голландки, которая не просто отапливала помещение, но и служила центром вселенной для хозяйки.

У печи, на низкой деревянной табуретке, сидела пожилая женщина. Ее движения были неторопливыми, выверенными до миллиметра, словно каждое из них было частью древнего ритуала. На ее натруженных, узловатых пальцах не было ни единого кольца, но по тому, с какой уверенностью она управлялась с утварью, было ясно – это руки хозяйки, привыкшие к труду и знающие ему цену.

На массивной чугунной сковороде с выпуклым дном шипело и румянилось свежее оленье мясо, снятое с ребер тонкими, почти прозрачными ломтиками. Рядом, в большом

фаянсовом горшке с синими узорами, тушилась рыба – нельма, с крупными, тающими хлопьями жира, в густом соусе из сметаны и сараны. Женщина помешала ее деревянной лопаточкой, и аромат стал еще сложнее, добавив к дымной ноте мяса и кисломолочной сытности сметаны сладковатый дух таежных кореньев.

Кухня была обустроена с той основательностью, что говорит не о бедности, а о давнем и прочном достатке. Стол был вытесан из цельной плиты лиственницы, темной от времени и множественных полировок. На полках, тоже лиственничных, ровными рядами стояли банки с соленьями и вареньями из морошки и голубики. В углу, на отдельной подставке, красовался новый японский чайник со свистком – странный гость среди привычной утвари. На стене висела не икона, а старинный, вышитый бисером и конским воломом герб рода – стилизованное изображение волка и солнца.

Женщина подошла к столу, где лежало крутое тесто. Она раскатала его в тонкий пласт и стала нарезать длинными полосами для лапши. Ни один звук не был лишним: равномерный стук ножа по доске, шипение мяса, глухое бульканье в горшке. Казалось, этот порядок и этот ритм не менялись здесь десятилетиями. Она работала молча, ее лицо, испещренное морщинами, как картой прожитых лет, было спокойно и сосредоточено. В ее молчаливой деятельности был покой и уверенность человека, который кормит не просто тело, а душу. И для кого-то очень важного этот ужин должен был

стать гораздо большим, чем просто едой.

Дверь в сени скрипнула мягко, пропуская внутрь морозное дыхание ночи и уставшую фигуру девушки. Воздух в сенях пах снегом, оленьей шерстью и сушеными травами, развешанными под потолком. Айсен, с трудом стряхнув налипший на одежду снег, аккуратно поставила валенки на деревянную решетку у печки, чтобы они просохли к утру. Босая, на цыпочках она прошла в кухню. Усталость тянула ее к полу, но едва взгляд упал на знакомую, согнутую спину бабушки, на ее плавные, уверенные движения, как на лице Айсен расцвела тихая, светлая улыбка. Все тревоги долгого дня – холодная дорога домой, утомительный вечер в библиотеке – отступали, растворяясь в густом, насыщенном ароматами воздухе родного дома. Здесь пахло хлебом, томленым молоком и дымком от печи – запахами, которые означали покой и защищенность.

Бабушка, не оборачиваясь, почувствовала ее присутствие. Она вынимала из печи противень с румяными лепешками сулей.

–Вовремя, внучка, – произнесла она спокойным, низким голосом. – Как раз сняла с огня. Иди, мой руки, садись.

Айсен подошла к медному рукомойнику, повела рукой – и из носика полилась ледяная вода. Она умылась, смывая с лица и рук усталость.

Они сели за массивный стол. Бабушка разложила по тарелкам дымящееся мясо с лапшой, добавила каждому кусок

нежной рыбы в густом соусе. Разломила свежую лепешку, и от нее повалил пар, пахнущий теплым тестом. Ели молча, с наслаждением. Айсен чувствовала, как тепло еды разносится по телу, согревая замерзшие пальцы ног. После на столе появилась вазочка с моченой брусникой, от которой веяло прохладной сладостью, и чашки с горячим, темным чаем, настоянным на таежных травах.

– Ну, рассказывай, как твой день, – отпив из чашки, негромко спросила бабушка. Ее внимательный, добрый взгляд скользнул по лицу внучки, вычитывая больше, чем могли бы сказать слова.

И Айсен, потирая ладони о горячий фарфор, начала рассказывать. О том, как сегодня наконец-то решила сложную задачу по геометрии, над которой билась всю неделю. Как потом бежала через весь поселок к сестре на пастбище, чтобы успеть до темноты, и как радовалась, увидев, что у новорожденного олененка все хорошо. Как в библиотеке сегодня было тихо и почти пусто, и она успела не только расставить новые книги принесенные недавно вернувшимся из города главой поселка, но и переплести несколько старых, наслаждаясь тишиной и запахом бумаги.

Бабушка кивала, внимательно слушая, ее морщинистое лицо оставалось спокойным. Она спросила про здоровье сестры и её мужа, про то, какие именно книги пришли в библиотеку. Затем она помолчала, глядя на пар, поднимающийся от чашки, и задала вопрос мягко, но так, что он прозвучал

совершенно естественно:

–А тот юноша, Ярослав? Опять приходил?

Айсен вздохнула. Она не ожидала этого вопроса, и говорить о нем не хотелось. Но скрывать что-то от бабушки было все равно что пытаться спрятать свет. Они всегда говорили обо всем.

–Приходил, – тихо ответила она, глядя на свое отражение в темном чае. – И сегодня… сегодня он увидел у меня в руках «Олонхо». Посмотрел на книгу и назвал наши истории сказками и ерундой. Мне стало так горько и обидно.

Она ждала мгновенного возмущения или простого молчаливого согласия, но бабушка не спешила с осуждением. Женщина отставила чашку, и ее натруженные, но удивительно изящные руки легли на стол ладонями вверх, словно готовая принять что-то.

– Человек, который бьет по камню пяткой, винит камень в своей боли, – произнесла она задумчиво, и голос ее звучал как тихий пересказ древней притчи. – Его душа, наверное, сейчас похожа на птицу с подбитым крылом. Она мечется и кричит, задевая всех вокруг, потому что не может найти покой и лететь правильно. Предки учат: прежде чем судить о силе воина, нужно узнать, с каким врагом он сражался до этого. Его грубость – это не стрела, выпущенная в тебя или в наш народ. Это дым от его собственного внутреннего пожара. Может, он сам заблудился в своем Нижнем мире и не видит света. Когда человек теряет связь с корнями своего рода,

он начинает презирать корня других. Это болезнь души, а не злой умысел. Возможно, ему просто очень одиноко и больно в этом чужом для него краю.

Айсен слушала, и гнев понемногу таял, уступая место сложному чувству – смеси жалости и сожаления. Она смотрела на мудрое, спокойное лицо бабушки и понимала: та видит не просто дерзкого мальчишку, а целую историю боли, которую она, Айсен, даже не попыталась рассмотреть. Подумала, что, может быть, бабушка права и этот мальчик с бледным лицом и колючим взглядом просто так же одинок здесь, как она иногда чувствует себя встречая бывших одноклассников. Только у нее есть этот дом, этот запах хлеба и этот мудрый взгляд, а у него, похоже, нет ничего.

Глава 2

Две недели. Четырнадцать дней, каждый из которых заканчивался одним и тем же, почти ритуальным действом – Яр приходил в библиотеку, занимал свой привычный угол и делал вид, что погружен в чтение. Сегодня он выбрал стратегически новую позицию – стол чуть в стороне от ее обычных маршрутов, но с безупречным обзором всего зала, чтобы видеть каждый ее шаг.

Когда Айсен вошла, с ее темного пальто буквально стекали струйки талой воды, образуя на полу темное пятно. Видимо, началась оттепель – редкое и обманчивое явление в разгаре полярной зимы, когда воздух на мгновение смягчался, а снег терял свою кристальную твердость. Она сняла промокшую верхнюю одежду, и он невольно, почти против своей воли, отметил, как мокрая ткань блузки прилипла к ее плечам и спине, очерчивая хрупкие, но точные линии ее фигуры. Это наблюдение вызвало у него резкое раздражение. Ему не хотелось, именно сейчас, в разгар их странной интеллектуальной войны, замечать такие вещи. Особенно на ней.

Их ежедневное столкновение началось, как обычно, с тихого, но напряженного спора о Достоевском. Яр снова перечитывал «Преступление и наказание» – единственную книгу, которая казалась ему созвучной мрачной ярости, кипевшей в его собственной душе.

– Опять мучаешь своего Раскольникова? – ее голос, тихий и четкий, прозвучал прямо над его ухом, заставив его вздрогнуть от неожиданности. Она подкралась совершенно бесшумно, как призрак, рожденный самой библиотечной тишиной.

– Хотя бы здесь люди думают, – бросил он, стараясь звучать презрительно и не поднимая на нее глаз, сжимая пальцами корешок книги.

– Думают? – она мягко обошла стол и опустилась на стул напротив, сложив руки перед собой. – Твой Раскольников не думает. Он одержим навязчивой идеей. Он не размышляет – он фанатично следует за своей теорией, не замечая ничего вокруг.

– В отличие от твоих прекрасных, идеальных героев, которые никогда не сомневаются? – язвительно парировал он.

– Они сомневаются постоянно, – ее тонкие пальцы медленно провели по краю стола, как бы очерчивая невидимую границу между ними. – Просто их сомнения ведут к действию, к поступку, а не к бесконечному, разрушительному самокопанию.

Он резко встал, с грохотом отодвинув стул. Звук гулко разнесся по тихому залу.

– Может, потому что у них просто нет выбора? – его голос прозвучал резко. – Когда вокруг одни монстры и бесконечная тьма, не до рефлексии и поисков смысла. Выжить бы.

– А разве у тебя есть выбор? – ее взгляд, холодный и ана-

литический, скользнул по его лицу, выискивая слабые места. – Сидеть здесь день за днем, перечитывать одни и те же мрачные книги… Это очень похоже на тао би.

Он замер, пораженный. Незнакомое слово повисло в воздухе между ними, словно загадка.

– Бегство, – уточнила она спокойно, видя его недоумение. – На китайском. Бегство от реальности.

– Ты знаешь китайский? – спросил он, окончательно сбитый с толку этим неожиданным поворотом. Это выходило за рамки всех его представлений о ней.

– Бабушка учила, – она слегка пожала плечами, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Говорила, чтобы по-настоящему понимать соседа, нужно знать его язык. Хотя бы немного.

Эта простая, но глубокая фраза повисла в воздухе, и у Яра не нашлось достойного ответа. Она обезоружила его своей простой мудростью и прямотой.

Последующие два дня – долгие суббота и воскресенье – библиотека была закрыта. Сорок восемь часов вынужденного одиночества в четырех стенах своей комнаты, под аккомпанемент завывающего за окном ветра. Сорок восемь часов, чтобы снова и снова прокручивать в голове их разговор, ее слова, ее взгляд, и с горькой ясностью понимать, что каждый ее укор, каждое ее точное попадание в суть его поведения, было абсолютно заслуженным.

***

В понедельник библиотека была почти пустой. Воздух здесь казался неподвижным и густым, будто за выходные он успел осесть слоями пыли и тишины. Лишь в дальнем конце зала, у высоких стеллажей с краеведческой литературой, маячила знакомая фигура.

Айсен переставляла книги, но в ее движениях не было привычной, почти ритуальной плавности. Плечи были напряжены, жесты – резкие, отрывистые. Тонкие пальцы с силой вставляли томы в промежутки на полках, корешки книг глухо постукивали друг о друга. Когда она проходила мимо его стола, он уловил легкий, едва заметный вздох раздражения и не удержался. Словно сорвалось с языка само собой, нарушая их негласное перемирие.

– Что-то случилось?

Вопрос, простой и прямой, прозвучал в тишине громче, чем он ожидал. Она замерла на месте, медленно обернувшись. На ее лице читалось неподдельное удивление, смешанное с легкой настороженностью, будто он подошел слишком близко, нарушив невидимую границу.

– Почему ты решил, что что-то случилось? – парировала она, ее темные глаза изучали его с пристальным, почти подозрительным вниманием.

Он почувствовал, как по шее разливается тепло – глупое, подростковое смущение. Но отступать было поздно.

– Обычно ты как еж, колючая, а сегодня…– выдавил он, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, но внутри все съе-

жилось от этой неуклюжей прямоты.

Неожиданно уголки ее губ дрогнули, и на ее лице на мгновение расцвела улыбка. Короткая, безрадостная, скорее похожая на гримасу усталости, чем на выражение радости.

– Старшая сестра уезжает в Якутск. На курсы. На месяц, – выдохнула она, и слова прозвучали как констатация тяжелого, но неизбежного факта. – Придется одной справляться. С бабушкой, работой здесь и фермой.

В ее голосе, обычно таком ровном и уверенном, он уловил нотки беспомощности, и это задело его за живое сильнее, чем любая насмешка.

– А что с бабушкой? – снова спросил он, и сам удивился участию, прозвучавшему в его собственном голосе. Ему стало искренне интересно.

– Возраст, – она отвела взгляд, разглядывая корешки книг на ближайшей полке. – Ноги болят, по дому помогать нужно. Поднять что-то, принести… – Она снова посмотрела на него, и теперь ее взгляд был оценивающим, испытующим, будто она взвешивала его на невидимых весах. – А ты почему спрашиваешь? Переживаешь?

Он почувствовал, как под этим взглядом снова хочет съежиться, спрятаться за маской безразличия. Быстро, слишком быстро пожал плечами, делая вид, что его интерес – лишь минутная прихоть.

– Просто… заметил, – пробормотал он, глядя куда-то мимо нее.

Она молча кивнула, и в ее глазах мелькнуло что-то – разочарование? Или, наоборот, понимание его попытки отстраниться? – и пошла дальше, а ее шаги постепенно затихли где-то среди лабиринта стеллажей.

Он уже снова уткнулся в свою книгу, пытаясь вернуться к прерванной строке, когда легкий шорох заставил его поднять голову. Она вернулась. В ее руках были две книги. Подойдя к его столу, она без лишних слов протянула их ему.

– Держи, – сказала она просто. – Если уж так интересуешься нашей «колючестью».

Он взял книги. Одна была объемным сборником якутских сказаний и легенд, переведенных на русский, в плотном переплете с тиснением. Другая – тоньше, в современной мягкой обложке, с яркой графикой на обложке: сборник рассказов молодых авторов из Якутии.

***

Среда.

Он снова ждал ее у входа, как и накануне – в тот вечер она так и не появилась, оставив его стоять в пронизывающем ветре почти целый час, пока библиотека не закрылась. Сегодня он пришел еще раньше, заняв позицию под кроной старой лиственницы, чьи ветви хоть как-то прикрывали его от разыгравшейся непогоды. Шел густой, мокрый снег – не пушистые хлопья, а тяжелые, сырые комья, которые с глухим шлепком прилипали к его куртке и тут же таяли, оставляя темные влажные пятна. Под ногами снег превращался

в противную, чавкающую жижу, в которой тонули ботинки. Холод, пронизывающий и влажный, пробирался под одежду, заставляя его ежиться и переминаться с ноги на ногу. Пальцы в перчатках коченели, а лицо горело от колючего ветра. Он уже собрался сдаться и отступить в тепло библиотечного вестибюля, чтобы хоть немного согреть окоченевшие руки, когда в кружащейся снежной пелене, в серой мгле ранних сумерек, возникла знакомая, долгожданная фигура.

Она шла, не спеша, не обращая внимания на непогоду, и снег ложился на ее темные волосы, словно ранняя седина. Подойдя ближе, она остановилась перед ним, и в уголках ее глаз заплелись морщинки от легкой, едва уловимой улыбки.

– Ну как тебе наши сказки? – спросила она, и в ее голосе, привычно окрашенном легкой насмешкой, теперь слышались иные, более мягкие ноты. Но главное были ее глаза – в них, в этих бездонных темных озерах, читалось неподдельное, живое любопытство. Ей действительно было интересно его мнение.

Он сделал шаг навстречу, и они, словно по молчаливому согласию, зашагали рядом по скользкой, размытой дороге, их плечи почти касались.

– В истории про зайца-оборотня… – начал он, подбирая слова, глядя перед собой, а не на нее. – Есть один момент, который я не могу понять. Он ведь мог бы сбежать. У него был шанс. Навсегда остаться в новом облике, в новой жизни. Но он возвращается. Почему? Что заставляет его сделать

этот выбор?

Она шла рядом, слушая, и снег продолжал оседать на ее ресницах.—Потому что ответственность – это не цепь, которую на тебя надели, – тихо, но четко сказала она. – Это выбор. Осознанный и добровольный.

– Выбор между чем и чем? – не унимался он, чувствуя, как в груди закипает что-то важное, требующее выхода.

Она остановилась прямо у темной от влаги двери библиотеки и повернулась к нему лицом. Снег таял в ее волосах, и капли воды, словно слезы, скатывались по темным прядям, поблескивая в тусклом свете.

–Между быть кем-то… и быть никем, – произнесла она, и слова ее повисли в морозном воздухе, наполненные невероятной значимостью. – Заяц возвращается, потому что его любовь – к своему дому, к своей семье, к своей земле – оказывается сильнее любого страха. Потому что эта любовь, эта память, эта связь – они уже стали частью него. Вырвать их – значит уничтожить себя.

Яр молча смотрел на нее, и ему казалось, что ледяная броня, которой он сковал свое сердце за все эти месяцы тоски и злости, с треском лопается, и сквозь трещины пробивается долгожданное тепло. Он смахнул с лица мокрые пряди волос и сказал, сам удивляясь своим словам, своему внезапно обретенному смирению:

– А если… если человек не нашел своего места? Не чувствует этой связи?

Айсен медленно, с тихим скрипом приоткрыла дверь. Из щели хлынул поток теплого воздуха и полоса желтого света упала на заснеженную землю, освещая ее лицо.

– Может быть, – ее голос прозвучал еще тише, почти шепотом, полным внезапной нежности, – он просто не там ищет? Иногда… иногда нужно перестать бежать. Перестать метаться и оглядеться. И тогда можно понять, что то, что ты так отчаянно ищешь, все это время… было совсем рядом.

Она скользнула внутрь, в тепло и свет, но на мгновение, всего на одно короткое дыхание, задержалась в дверном проеме. Ее силуэт вырисовывался на золотом фоне библиотечного зала. Это была пауза, полная безмолвного вопроса, приглашения, выбора. Остаться снаружи, в холодной темноте, в одиночестве и вечном бегстве от самого себя. Или сделать шаг – последовать за ней в неизвестность, которая вдруг перестала казаться такой уж ненавистной.

***

Пятница. Последний рывок недели.

Яр шагал по утрамбованной снежной тропе, и с каждым шагом тяжесть на душе становилась все ощутимее, физически давя на плечи. Воздух был холодным и острым, но внутри него горело странное беспокойство. Два дня. Сорок восемь часов, в течение которых тяжелая дверь библиотеки будет заперта, и он не сможет украдкой наблюдать за ней. Не сможет подсмотреть, как тонкие пальцы перебирают корешки книг, не услышит мягкий шелест ее шагов по ста-

рым половикам, не почувствует того странного, тревожного спокойствия, которое возникало, когда они находились в одном помещении, разделенные всего парой стеллажей. Эта мысль, навязчивая и неотступная, заставляла его идти быстрее, почти бежать, выжимать из оставшихся минут до закрытия каждую секунду, каждый случайный взгляд, каждый общий вдох воздуха, пусть даже пахнущего пылью.

Он толкнул массивную дверь, и его встретил знакомый густой, теплый воздух. Он сразу увидел ее, будто внутренний компас всегда указывал ему направление, несмотря на то, что библиотека уже была пуста. Она стояла у высокого арочного окна, не расставляла книги и не занималась канцелярской работой, а просто смотрела в стекло, за которым разливался багряный, почти неестественный свет угасающего полярного солнца. Его лучи пробивались сквозь морозные узоры на стекле, окрашивая ее профиль в золотистые тона. В ее позе, в том, как безвольно опустились плечи и как ладони прижимались к холодному стеклу, была непривычная, разбивающая сердце уязвимость, разрушавшая привычный образ сдержанной и небожительной хранительницы этого тихого царства.

– Привет, – прошептал он, остановившись в нескольких шагах, боясь спугнуть хрупкую, звенящую тишину, опутавшую их.

Она медленно обернулась, и время будто замерло. На ее лице он не увидел ни следа привычной маски спокойной уве-

ренности. Перед ним было другое лицо – искаженное откровенной, неприкрытой болью. Глаза, обычно такие темные и глубокие, сейчас были ярче, влажными от незванных слез, а губы слегка дрожали.

– Сестра звонила… из Якутска, – выдохнула она, не дожидаясь его вопросов, словно слова сами вырывались из переполненной груди. Голос ее был плоским, лишенным эмоций, и от этого каждое слово звучало как приговор, обжигая тишину. – Говорит… что ей там нравится. Что люди… другие. Возможности… Что, останется там ещё ненадолго.

Она посмотрела на него прямо, и в этом открытом, незащищенном взгляде была такая первобытная тоска и страх, что у Яра внутри все сжалось в ледяной ком. Все ее барьеры, все укрепления рухнули в одно мгновение, и он увидел ту самую девушку, которую она так тщательно скрывала за мудростью эпосов и спокойной улыбкой, – одинокую, напуганную девочку, стоящую на краю новой, бездонной пропасти потери.

– Боюсь… что она не вернется, – прошептала Айсен, и ее голос оборвался, наполняясь слезами, которые она отчаянно пыталась сдержать. – Что она… как наша мать мать. Уйдет в этот ваш большой мир и забудет дорогу назад. А я… я останусь здесь. Совсем одна.

В этот миг, в прозрачном, наполненном пылью воздухе библиотеки, между ними возникло то самое, подлинное, не требующее слов понимание. Хрупкий, едва зародивший-

ся мост из взглядов и невысказанных мыслей, который они неосознанно строили все эти недели, встречаясь на нейтральной территории словесных баталий и книг. Яр почувствовал, как что-то острое и жгучее сжимается в его груди, требуя выхода. Он видел ее – настоящую, беззащитную, и это зрелище было одновременно прекрасным и невыносимым.

– Но я ведь… я тоже здесь, – сорвалось у него тихим, надтреснутым признанием. Он инстинктивно сделал шаг вперед, его рука сама потянулась через разделявшее их пространство, желая коснуться, утешить, доказать, что она не одна.

Но вместо благодарности или облегчения в ее глазах, еще секунду назад таких уязвимых, вспыхнула новая боль – горькая, обжигающая и полная разочарования.

– Не надо… – она резко отпрянула назад. Ее плечи снова напряглись, выстраивая привычную защиту. – Не говори этого. Пожалуйста, не сейчас. Мы не… мы даже не друзья, Яр. Мы просто… два человека в библиотеке. Ты ведь тоже уедешь. Я знаю это. При первой же возможности, как и все остальные. Ты просто… – ее голос сломался, и она с трудом, сквозь подступившие слезы, выдавила: – …используешь мою боль, мои слабости, чтобы на секунду почувствовать себя нужным. Чтобы убедить себя, что ты не такой, как все они. Что ты лучше.

Эти слова, отравленные горечью и страхом, повисли в воздухе библиотеки, тяжелые, безвозвратные, безжалостно ру-

ша только что возникший хрупкий мост. Яр понял всю тщетность любых опровержений. Любое слово, любой аргумент теперь будут звучать как ложь, как жалкая попытка оправдаться. Он стоял, парализованный, не в силах пошевелиться, и смотрел, как она отворачивается к окну, как снова возводит вокруг себя невидимые, но абсолютно непреодолимые стены, замуровывая себя в одиночестве, которое, как ей казалось, было ее единственным уделом.

Мост рухнул, не успев окрепнуть, рассыпался в прах под тяжестью ее страха и его неловкой попытки приблизиться. И в звенящей, гнетущей тишине библиотеки, под безразличным взглядом окончательно угасшего за окном солнца, он почувствовал не просто горечь или обиду. Он, с леденящей душу абсолютной ясностью осознал, что только что стал свидетелем и невольной причиной потери чего-то хрупкого, чистого и бесконечно важного для него.

Глава 3

Раннее утро застилало долину сизым, промозглым туманом, который цеплялся за каждую кочку, за каждый кустик карликовой березы, оседая на ресницах ледяной росой. Айсен, свернув с грунтовой дороги, ведущей в поселок, шагала по промерзшей тропе, петлявшей между лиственниц. Под ногами хрустел наст, а воздух, холодный и острый, как лезвие, обжигал легкие. Спустя минут двадцать ходьбы из тумана начали проступать темные силуэты: сначала длинный, низкий загон из грубых жердей, затем приземистый бревенчатый дом под покатой крышей, от трубы которого тянулась тонкая струйка дыма, пахнувшего смолистой ольхой. Это была заимка Байыма, мужа ее сестры.

Ферма – если это слово тут было уместно – была оленьей. Никаких коров, овец или кур. Только олени. Их можно было учуять еще на подходе – густой, терпкий, животный запах, смешанный с ароматом влажной шерсти и дыма. Дом, почерневший от времени и непогоды, стоял в стороне, глядя на мир маленькими, словно прищуренными оконцами. Он принадлежал Байыму, как и все вокруг. Сюда, после отъезда Айталы, Айсен приходила уже почти каждый день, чтобы помочь. Это была не просьба, а нечто само собой разумеющееся, долг семьи.

Байым, человек лет тридцати с лишним, с лицом, выре-

занным из мореного дуба, уже был на ногах. Он возился у нарт, проверяя упряжь. Высокий, с плечами, казавшимися неестественно широкими в его меховой кухлянке, он двигался с неторопливой, экономичной грацией человека, знающего, что спешка в тайге – верный путь к беде. Его предки были оленеводами, и в его молчаливой, сосредоточенной позе читалась многовековая память кочевья. Он кивком, без улыбки, ответил на тихое приветствие Айсен. С момента отъезда Айталы прошло уже больше месяца. Сначала она звонила каждую неделю, голос ее звенел от новых впечатлений. Потом звонки стали реже. А после сообщения о том, что она задержится, молчание об этом факте висело между Айсен и Байымом незримой, тяжелой пеленой. Они об этом не говорили. Не было нужды.

Работа началась без лишних слов. Айсен, натянув рабочие рукавицы, направилась к загону. Олени, могучие, с ветвистыми рогами, покрытыми бархатистой кожей пантов, встретили ее настороженным фырканьем. Они были не ручными в городском понимании этого слова, а скорее – договорными. Между ними и человеком существовал древний, нерушимый договор: забота в обмен на свободу. Она взяла мешок с лишайником – ягелем, который Байым заготовил с осени, и начала рассыпать его по чистому, утоптанному снегу. Животные, почуяв еду, двинулись к ней, их широкие копыта бесшумно ступали по снегу. Она наблюдала за ними, за их спокойной, величавой силой, и в этой простой, почти ритуаль-

ной работе понемногу отпускала собственное напряжение.

Тем временем Байым занялся осмотром стада. Он медленно обходил животных, и его цепкий, опытный взгляд выискивал малейшие признаки хромоты, болезни, следы от зубов хищников. Его большая, грубая рука могла с неожиданной нежностью провести по шее оленя, проверить сустав, заглянуть в глаза. Он не гладил их, не произносил успокаивающих слов. Его общение с ними было тактильным и беззвучным, языком прикосновений и взаимного уважения. Иногда он останавливался возле одного из самцов, и они стояли так несколько секунд, будто ведя безмолвный диалог.

Потом нужно было чинить часть изгороди, которую в поисках пропитания подрыли зайцы. Байым принес колотые колья и проволоку. Айсен держала столб, в то время как он, тяжелой деревянной колотушкой, вгонял его в мерзлую землю. Удары раздавались глухие, частые, отдающиеся в тишине утра. Они работали молча, их дыхание клубилось на морозе белым паром. Изредка Байым, не глядя на нее, бросал короткое: «Держи ровней». Или она, заметив что-то, говорила: «В том углу снег подозрительный, надо проверить, не подкоп ли». Он в ответ лишь кивал, его внимание уже было приковано к следующему столбу.

Около полудня они ненадолго прервались, чтобы зайти в дом погреться. Изба Байыма была простой и суровой, как и он сам: голые бревенчатые стены, железная печь-буржуйка, на столе – неизменный термос с чаем и лепешки-пампуш-

ки. На полке, как святыня, стояла единственная фотография: Айтала, смеющаяся, в ярком платке, обняла за талию Байыма, сфотографированного с редкой, смущенной улыбкой. Айсен, попивая горячий, горьковатый чай, смотрела на этот снимок. С момента их ссоры с Яром в библиотеке прошло три с половиной недели. Она ни разу не видела его там с того вечера. Сначала это приносило облегчение, потом стало казаться странным, а теперь эта пустота в ее привычном распорядке дня стала просто еще одним фактом, таким же неоспоримым, как и затянувшаяся командировка сестры. Она смотрела на улыбку Айталы, а потом через заиндевевшее стекло – на Байыма, который вышел во двор и, прислонившись к косяку, курил, глядя в сторону тайги. Он не выражал тоски словами. Но в его одинокой, застывшей фигуре, в том, как он слишком долго и сосредоточенно вглядывался в белое марево леса, читалось все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.